

Дарья Тюменева

Тренируй
искренность

Дарья В. Тюменева

Тренируй искренность

prussol

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67499612

Тренируй искренность. / Тюменева Д.В.: Перо; Москва; 2022

ISBN 978-5-00204-062-9

Аннотация

Раненый зверек, покалеченная судьба,
Косая челка поперек юного лба.
Зачем ты смотришь, я не твоя борьба,
Я не твоя дрожь.
В глазах такая зелень, на сердце синь,
Свежий и праздничный, как апельсин,
Острее острых игристых вин,
Мальчишка, куда ты идешь?
Мне твои раны не по зубам —
У меня самой в голове хлам.
Ты меня врачуешь, конечно, но нашим трудам
Красная цена – грош.

Содержание

Джо	6
«Не буди во мне, маленькая, выдуманную тобой вину!...»	9
«Так бывает, что ты уходишь и уносишь совсем не то...»	10
«С тобой Мари узнала цену большой вины...»	12
«Я еще не выворачивала так нутро...»	13
40	14
«Ты так смотришь...»	16
«Вот сидишь ты коленями в облака...»	18
«Ах, эти плечи – золото и шоколад...»	21
«Это точно неправильно...»	24
«Здравствуй, друг мой...»	26
«Что это за жизнь?..»	28
«Милая...»	29
Сестре	30
«Солнца пласты и ворох...»	33
«Я за стеклом в витрине...»	35
«Выпусти меня наружу...»	36
«Ближе к полуночи придет смс...»	37
«Прошлым летом мы ходили вдвоем до метро...»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дарья Тюменева Тренируй искренность

Текст публикуется в авторской редакции с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Иллюстратор – Дарья Кулеш

© Тюменева Д.В., 2022

Джо

Джо тянет тепло и мудрость из раскрытых окон и книг,
Джо везет на себе страдалыцев, как старательный
грузовик.

От нее не ушел обиженным ни болезный, ни брошенный,
ни старик.

Джо – единственная в городе ведьма.

У Джо на подоконнике свечи, учебники и черепа,

Джо осторожна, вдумчива и неглупа,

Может каждого вытащить и не дать пропасть,

А берет за услуги немного меди.

Она верит, что ведьма от слова ведать и знать.

Хоть не раз пытались в нее камни бросать,

Джо любого обнимет, как вечная мать,

И беспрекословно служит выбранной этой цели.

Но когда в ее доме пусто, Джо задумчива и слепа,

Спотыкается о пороги и даже может упасть,

Мысли скачут по полу, рассыпаются как крупа,

И дышится так, будто легкие раскрываются еле-еле.

Скоро сорок, но нет у Джо семьи, друзей.

Жизнь, как арена, долбаный Колизей:

Люди приходят за помощью или так, поглазеть.

Так Джо тоже платит. За способность смотреть шире,

Видеть историю и сверху, и изнутри,

Четко формулировать и правильно говорить,

Раскладывать на составляющие: раз, два, три,

А иным продемонстрировать магию в обычной своей квартире.

Джо все знает и годы свои уверенно кует —
Так капля за каплей вереск уходит в мед.
Джо не жертва. Бездетна и больше не ждет,
Но отдает. А отдавать можно лишь от избытка.
Так она шаманит и держит баланс простой.
И до тех пор не боится остаться совсем пустой,
Пока замолкают за нею и плач, и вой,
Пока живет и врачует чужие ошибки.

«Не буди во мне, маленькая, выдуманную тобой вину!...»

Не буди во мне, маленькая, выдуманную тобой вину!
Я тоже измучился. Незачем затевать войну.
Я могу рассказать, как я слышал тебя одну,
Но то было раньше.
Я могу рассказать, что, увидев тебя, затих,
Что я помню музыку – одну на двоих,
И твои сильные бедра вокруг моих,
И в том не было фальши.
Не кори меня, маленькая, я был нетрезв и слаб.
Я на долгие месяцы стал ни царь, ни раб.
Понимаешь, я тоже теперь не рад,
Но пора идти дальше.

«Так бывает, что ты уходишь и уносишь совсем не то...»

Так бывает, что ты уходишь и уносишь совсем не то:
Зонт с лаковой рукоятью и английское пальто.
Движешься дальше, думая, что теперь готов,
Но то, что ты вынес, – не про осень.
Она смотрела вслед и беззвучно пыталась сказать,
Что двое – это не только вместе стелить кровать,
Из двадцати четырех быть почти двадцать пять.
Двое – даже тогда, когда один из вас просит.

Ты потом поплакал под модным своим зонтом?
Поныл: «О боже, я так страдал из-за нее потом!
Я даже татушку себе набил с трудом!
Хотя нет, без труда, и вышла что надо».
Ты ничего не понял, и она ничего не поняла.
Кто-то из вас разобиделся, кто-то сгорел дотла.
Кафельный пол зачистила выюга-метла,
И после вас теперь выставлены сторожевые отряды.

Иногда ты выносишь из горя совсем не то:
Тащишь себя-жертву, молишься на восток.
Знаешь, бывает стоит придержать поток,
Обнулиться, как обнуляются президенты и дети.
Так подписывают вольные твердой рукой,

Так в чистые головы входит покой,
Так замирают ветры, как перед грозой.
Будто не было ничего.
Будто никто никого не встретил.

«С тобой Мари узнала цену большой вины...»

С тобой Мари узнала цену большой вины
И докопалась, дорылась до самой той глубины,
Где страшно, и холодно, и исходы не видны,
Но ведь ты пока побудешь рядом?
Она так тянется к крепкости выглаженных перил.
Сотни ладоней полировали их, тысяча крыл,
И сколько б банальностей ты не говорил,
Уверенно тащишь ее из личного ада.

Ах, моя бедная маленькая Мари!
Ты говори с ней, пожалуйста, говори,
И, может быть, вырастет у нее внутри
Собственная живая опора.
Я пугаюсь тонких ее ключиц,
И когда она по ночам кричит.
Не молчи, прошу тебя, не молчи —
Иногда достаточно долгого разговора.

«Я еще не выворачивала так нутро...»

Я еще не выворачивала так нутро,
Я не умею очиститься, горько заплавав.
Как же больно и холодно вносить двойную плату
За твое и мое
откровение и вранье
И только мою одиночную палату.
Я сижу, испугавшись и сжав колени.
Новую душу достать мне не хватит денег!
На мои гроши
и старой не купишь души,
А я ведь даже стихов купить не умею.
Я еще не выворачивалась так совсем —
До конца, без надежды и без возврата.
А ты сидишь рядом в позе старшего брата
Прямой и тихий,
и к черту идут стихи,
Хоть их и не написать обратно.

В твои сорок
Ты предан, умен и тих,
Ты точно знаешь, кто дорог,
Что путь занозист и долог,
Особенно для двоих.

В твои сорок
Идеально различаешь цвета,
Без раздумий выкидываешь ворох
Ненужных мыслей и чуждый морок.
Остаются уверенность и простота.

В твои сорок
Ты давно научился прощать.
Только со временем выгорает и порошок,
Любой век болезненно короток.
Я плачу, как плачет покинутый город,
И мне нечего тебе пожелать.

«Ты так смотришь...»

Ты так смотришь —
Внизу становится горячо.
Я подойду и поцелую
В макушку, потом в плечо.
Не разговаривай
И не думай со мной ни о чем —
Я так прощаюсь.
Что я делаю — все не в счет.
Что ты видишь?
Усталость, суету или бред?
Я стою за спиною,
Заслоняю тебя от бед,
Или мне так кажется?
И без меня ты в броню одет:
Латы сверкают,
Экскалибур к небу воздет.
Ты меня не прощаешь?
По лицу соленое течет.
Молчишь и думаешь себе,
А я даже не знаю, о чем.
Ты так смотришь,
Как будто требуешь отчет.
А я тебя все целую —
В макушку, затем в плечо.

**«Вот сидишь ты
коленями в облака...»**

Вот сидишь ты коленями в облака,
Рядом волчица, стремительна и легка.
Теплым боком, теплей, чем твоя рука,
Закрывает тебя от стужи.
Вот ты снова отрубленные головы за спиной несешь,
И следы на руках омывает дождь.
Скоро вечность, как ты никого не ждешь,
Кроме волчицы, живой и нужной.

Многие лета тому убавь,
Помнишь, Смородину миновала вплавь?
Будто сам Чернобог утянул тебя в Навь,
А вернувшись, ты боль ту с собой носила.
Я смотрела, как ты не зовешь гостей,
Как растет погост из людских костей,
Я болела тоской от таких вестей,
Пока множилась твоя жуткая сила.

Помню, ты на купальскую ночь
Выплетала венок, загадала дочь,
Но река уносила молитвы прочь,
А высокое пламя тебя отторгло.
И тогда разметалась, угасла нить.
Я узнала, что ты забываешь жить
И обидевших сводишь на волчью сыть —
Никому не даешь ухватить за горло.

И теперь темный меч над тобой завис.
И не в ирий стремится душа, а вниз.
Я пришла рассказать тебе, как спастись,
А иначе не быть мне твоей берегиней.
Не ходи без конца на Калинов Мост
И кричать «за что?» навсегда забрось.
Память рода крепя, не стриги волос
И прощай себя и других отныне.

Вот сидишь ты коленями в облака:
Без волчицы защита тоже крепка.
Как спокойно идет в берегах река,
Напитавшись вдоволь земной силой,
Так и ты упокой кипяток-войну.
Нет нужды теперь поминать вину.
И твоей, и чужой повелю уснуть —
Починить можно все, пока не в могиле.

«Ах, эти плечи – золото и шоколад...»

Ах, эти плечи – золото и шоколад,
Нельзя быть таким юным в почти пятьдесят.
Ты, наверное, говоришь не Питер, а Ленинград,
А я лет на двадцать к тебе опоздала.

Ну что ты смотришь так, врачеватель душ?
Счастливый папа, счастливый муж.
Какая дикая, смешная чушь —
Я снова стою с открытым забралом.

Ах, эти волосы – пепел и соль!
Это мудрость твоя забрала мою боль,
На теплой груди захлебнулся вой,
Я стала почти целой, почти живой,
Только украла, опять украла.

Ты предлагаешь наново меня собрать,
А мне неясно, куда что паять.
А вдруг я исчезну тогда, твою мать?
И некому будет начинать сначала?

Ах, эти пальцы – сталь и горячий воск,
У меня к ним, пожалуй, один вопрос:

Что делать тем, кто еще не дорос?
Дожила до морщин и седых волос,
А границы твои нарушала.

Что-то шалит рефлекторский мой радикал.
Я мучаю скулы, чтобы ты не узнал,
Не прогнал и не запер меня в подвал —
Я потом не спасусь из того подвала.

«Это точно неправильно...»

Это точно неправильно.
Но я знаю, что я из тех,
Кто в зашторенных спальнях,
Держась за голову
И вывернув наружу мех,
Мешает главное и неглавное,
Путается между тем и другим,
В подушки пускает дым,
Замешивая в стон кашель и смех.
Я точно из тех неудачников,
Кто чувствует много и не то,
Кутается в тонкое пальто.
Вечные девочки и мальчики
С острой нехваткой зонтов.
Про нас интернет-фотокарточки,
Драматически нуарны цвета:
Блогеры, трагики, просто бабочки —
Поэтически окрашенная гопота.
Трогательно ослабленные
Вирусом чистой тоски,
Мы беззащитны и далеки.
Вино есть и сигаретный дым,
Нам бы еще хозяйской руки,
Но тогда мы не полетим.

«Здравствуй, друг мой...»

Здравствуй, друг мой,
Я пришла разделить свой бокал коньяка.
Горькое вместе, и пусть голова твоя станет легка.
Я знаю все в этой комнате, от пола до потолка,
От жесткого кресла до медного старика,
От бледного яблока до блэкаутов на окне,
От того, что было, до того, что теперь есть во мне.
Здравствуй, друг, ты теперь всегда на моей стене.

Знаешь, друг мой,
Время разбрасывать и время собирать.
Я вот пересобираюсь заново, и, если хочешь знать,
Меня тоже пугает моя седая прядь,
Ведь вдруг я не успею родиться и заново все понять?
Не каждому волшебники попадают на пути,
И нет теперь права прятаться в сети.
Знаешь, друг мой, ты заставил меня расти.

«Что это за жизнь?..»

Что это за жизнь?

Глядишь как собака на кость,

Баюкаешь свою злость,

Как будто лучшего не нашлось?

Даже если кругом тоска

Или в сердечной мышце гвоздь,

А седины уже больше, чем волос, —

Ты знаешь, что делать, давно дорос,

Выбрасывай мантию дурака.

Вина, и ошибки, и прочий бред —

Уставшим и сдавшим спасения нет.

Пора разобрать ту твою антресоль

И выбросить к черту обиду и боль.

И пусть впереди намечается бой —

Хорошая драка тебе не во вред.

Возьми в свой рюкзак про запас сигарет,

Сегодня рассвет я встречаю с тобой.

«Милая...»

Милая,
Пока ты выстилаешь постель другому,
Тонкой струной вытягиваешься вдоль его бедра,
Моему поникшему старому дому
Грозит беда.
Пока ты пьешь на двоих один кофе
И убегаешь в утро налегке,
Я рисую на простынях твой профиль
И считаю трещинки на потолке.
Я был жесток и неправ, милая,
Когда одним камнем убил двух птиц.
За это небо тысячу дождей вылило
На меня, упавшего ниц.
Я кофейному парню на бульваре покался,
А он сказал, что не ему меня прощать.
Пока я еще просыпаюсь, пока я здесь,
Милая, возвращайся.

Сестре

Поставь, пожалуйста, чайник.
Давай посидим под абажуром.
Ты сегодня по бедам моим дежурная,
И мы поплачем, твои от моих не отличая,
Пока кто-то из нас не заскучает,
Гоняя по кругу в белых чашках
Слезу, как чаинка, черную.
Колени к подбородку – привычная форма,
А ты посиди напротив, родная и домашняя.
Я знаю, что ты подставишь
Свои руки уверенные и тонкие,
Пока я иду босая по своим обломкам.
И ты уже точно представишь,
Где будет мой следующий шаг.
Ты много видела и знаешь,
Каким бывает любимый враг.
Твое время на пару «тик-так»
Мудрее моего, хоть никто из нас не дурак.
Но когда согласишься вблизи – не отличаешь,
И нужно, чтоб кто-то сказал, что не так.
Не знаю, как у других, но у моих трех десятков
Давно есть опора, и все в порядке.
Я даже хожу теперь без оглядки —
Я знаю, там будут твои уверенные.

Давай посидим, за вином или чаем.
Там за окном выкруживает северный,
Но этот покой за прозрачной печалью
Сильнее. Он хрупок, но нескончаем.
Присаживайся, я угощаю.

«Солнца пласты и ворох...»

Солнца пласты и ворох,
Синее платье в горох,
Лето пришло, как всполох,
Сверху улыбается Бог,
Море шипит, что порох.
Иду по кромке воды,
А она зачищает за мной следы,
Будто бы нет никакой беды,
И будто никто ни к кому не строг,
И если упал, и если не смог.
Есть только счастье живое, как вздох,
И синее платье в горох.

«Я за стеклом в витрине...»

Я за стеклом в витрине.
Смотри или смейся, но ударить не смей.
Смелей проходите мимо,
Хорошо ли вам всем меня видно
В круге горячих огней?
Довольно ли смирения во мне?
В витрине – не на паперти стоять.
Я, конечно, не годна воевать,
Но и злости не стала б держать.
Только нет ее больше.
Нет ни страха, ни дрожи,
И огня, и азарта тоже
Нет. Выпита и выставлена
Любоваться, а не любить.
К черту меня и искренность.
Налейте мне немного виски,
И я пойду себе дальше
Памятником глупости за зарплату служить.

«Выпусти меня наружу...»

Выпусти меня наружу,
Моя тоска, мой лиловый хмель,
Ласковый и нежный зверь!
Я устала и простужена,
Покажи мне другую дверь —
Эту я уже открывала.
Я стою перед тобой босая,
Без меча и с открытым забралом,
Ты моя песня, моя Калевала,
Я ничем не грожу тебе!
Между нами не быть борьбе —
Я же тебя не бросала
Одного в поломанной арбе.
И ты не демон, а эпический герой —
Пой со мной эту песню, пой,
Но знай, мне пора домой,
А сюжет... Пусть он будет твой!

«Ближе к полуночи придет смс...»

Ближе к полуночи придет смс:

«Хочешь, приходи? У меня суп есть».

Такой непосредственно-честный весь.

И ты подорвешься, накрасив неровно бровь,

Пальцы подрагивают, в аорте клокочет кровь,

И нервно зашагаешь несчастные пять кварталов.

Оттягивая момент (хорошо, что не бежала),

Остановишься у подъезда, дыша как попало.

А потом с разбегу на третий.

Он стоит у двери, спасибо, что встретил.

И вот он – чай с чабрецом, посиделки на подоконнике.

Твои руки дрожат и ледяные, как у покойника.

Он их греет, прижимая к груди.

И ты веришь, что такой никогда не покинет,

Но утро все равно наступает.

А там программа доходчивая и простая:

Разгладишь волосы расческой жены,

Руки потянутся к его лицу, аккуратны и нежны,

Только они ему уже не нужны —

Утром его любовь по обыкновению тает.

«Прошлым летом мы ходили вдвоем до метро...»

Прошлым летом мы ходили вдвоем до метро,
По ночам играли арпеджио на уставшей твоей гитаре,
Около двенадцати бежали пить кофе в соседнем баре,
Где ты уверенно клал ладонь на мое бедро.
Я хохотала, официант глуповато смеялся в ус,
Пахло кофейными зернами и цветным мармеладом.
Ты был серьезным. Я думала, так и надо,
И узнавала запястья твои на вкус.
Теперь я только вою и крепкие на балконе курю,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.